

Вика
РИТТЕР

(Не) ругая
СЕМЬЯ
НОВОЕ СЧАСТЬЕ

Вика Риттер

(Не)Чужая семья.

Новое счастье

<https://litres.ru/73894924>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Зачем ты здесь? Чтобы в очередной раз напомнить, чего я лишился?

- Я пытаюсь помочь. Стать другом.

- Кем? Ты не она. Ты здесь никто. Приживалка, возомнившая себя Матерью Терезой!

После смерти жены Мирон перестал жить. Он лишь существовал, ломая и отталкивая всех, кто напоминал ему о прошлом. Но Алина, младшая сестра его супруги, остаётся рядом: ради двух малышей, которые без неё не справятся. И ради него самого, хоть он отчаянно этого не хочет.

Чувства, возникшие после утраты, не стирают прошлого и не предают память близкого человека. Они рождаются из мелочей. Из заботы, тишины, случайного взгляда и растут вопреки боли, страху и запрету чувствовать снова.

Иногда, чтобы не упустить любовь, нужно лишь одно - разрешить себе быть счастливым.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вика Риттер (Не)Чужая семья. Новое счастье

Пролог

Алина

Дверь в кабинет была приоткрытой, и я позволила себе заглянуть внутрь. Мы уже давно не встречались с Мироном и толком не разговаривали, хотя и живём под одной крышей уже долгое время.

Хозяин дома стоял спиной ко мне и смотрел в окно. В его опущенных плечах, в наклоне головы читалась испытываемая им боль. Нефизическая, душевная. Которая с каждым днём всё больше разъедала его нутро, отдаляя от малышей.

На столе, рядом с полупустой бутылкой виски, лежала фотография. На ней изображена Света. Она улыбалась со снимка, сидя на носу яхты. Это была их первая поездка за границу. Помню, как она рассказывала и делилась впечатлениями после неё.

- Зачем ты здесь? - голос Милона вырвал меня из воспоминаний, возвращая в действительность. - Чтобы в очередной раз напомнить, чего я лишился?

- Нет. Увидела открытую дверь и хотела узнать, как ты? Мы уже привыкли к тому, что она всегда заперта. Дети, - начала я, но он перебил меня.

- Хватит о них! Хватит приходить сюда со своей пародией на заботу! Ты думаешь, что, притворяясь ею что-то изменишь?

От его слов у меня перехватило дыхание. Это было больнее, чем если бы он ударил меня. Смотрела на мужчину и понимала, что в нём говорит горе. Мирон никогда не был таким.

- Я не притворяюсь, - проглотила горький ком разочарования и уже чувствуя, как слёзы подступают к глазам. - Я всего лишь пытаюсь помочь.

- Помочь? - он иронично ухмыльнулся в ответ на мои слова. - Ты не она! Запомни! И никогда её не заменишь!

Мне стало так горько оттого, что Мирон пытался уличить меня в чём-то, чего я не совершала, что я едва сдержалась и не залепила ему пощёчину. Наверное, не сделала этого лишь потому, что нас разделял стол.

- Я и не пыталась! Просто хотела стать другом, помочь тебе осознать, насколько ты нужен детям и как вам всем просто необходимо быть рядом.

Я стояла, сжимая кулаки, готовая к новой порции гадостей, но его лицо вдруг выдало совершенно нетипичную эмоцию. Взгляд стал холодным, я бы сказала наглым. Мирон медленно прошёлся глазами по мне, и на его губах появилась

кривая усмешка.

- Другом? - он произнёс это слово с таким ядом, что мне стало не по себе. - Если ты так отчаянно хочешь быть нужной, оказаться на её месте, давай начнём с самого простого?

Он сделал несколько резких шагов ко мне и замер на расстоянии в пару ладоней. От него несло алкоголем, глаза выглядели стеклянными, и я инстинктивно отступила, когда он приблизился.

- Мирон, - прошептала я, и в моём голосе зазвучал страх. Но он уже наклонился ко мне, и его дыхание обожгло щеку.

- Скажи мне, - мужской шёпот был похож на шипение змеи, - какая часть её жизни тебе нужна? Дети? Кажется, их ты прибрала к рукам. Дом? Я сбился со счёта от того, как долго ты здесь находишься, - у меня по коже прошёл табун мурашек. - Или муж?

Он выдержал небольшую паузу, наслаждаясь моим замешательством и лёгким страхом.

- Хотя нет, о чём это я. Всем давно понятно, что ты хочешь всё и сразу!

Глава 1

Алина

Холодный ветер бьёт наотмашь, хлещет по щекам, срысывает слёзы, словно играет с ними. Пробирается под одежду, стараясь добраться до сердца, но я почти не чувствую его. Уже несколько дней я практически между сном и явью, до конца не веря в происходящее.

Смаргиваю очередную влагу и преступаю с ноги на ногу. Земля под ними неестественно мягкая, рыхлая. Совсем рядом свежая могила, принадлежащая моей сестре. Душа разбилась на части, а истошный крик давно рвётся из груди, но я лишь тихонько плачу. Я не в силах ничего не изменить, и это убивает.

Перед внутренним взором встаёт счастливое лицо Светы. Её радость и восторг после того, как она узнала, что ЭКО удалось и скоро в их семье появится ребёнок. Глаза сверкают, а улыбка освещает всё вокруг. Не зря родители называли её этим именем, оно действительно ей подходит.

Облик сестры из воспоминаний сменяет фотография с гранитного камня, и я плачу. Ветер вновь подхватывает слёзы, только в этот раз размазывает по лицу. Умывает меня ими. Стираю влагу дрожащей рукой, и я опять смотрю на Мирона.

Он стоит так неподвижно, что, кажется, не человеком, а

ещё одним мраморным памятником, что находятся чуть в отдалении. Его спина, обычно такая прямая и уверенная, будто потеряла стержень. Пальцы вцепились в полы дорогого чёрного пальто, и даже с такого расстояния видно, насколько они побелели.

Но самое страшное было не это, а его лицо. Не маска горя, не искажённые рыданием черты, а полное отсутствие чего бы то ни было. Опустошение. Будто душу из него вынули и бросили вместе со Светой в холодную землю. Я сделала шаг к нему, тронула за рукав, но он не пошевелился.

- Мирон, - прошептала я, и голос сорвался. Мне хотелось обнять его, утешить, выплакать вместе с ним то, что так гложет нас обоих. Потеря. У нас отобрали человека, которого мы очень любили. Свету. Но я лишь снова позвала, тихо, как будто боялась, что слишком громкий звук потревожит это пустынное место. - Пойдём. Нам пора.

Он не услышал, или не захотел. Его взгляд был прикован к золотым буквам на камне. «Светлана Чехова. Любимая жена и любящая мать». Мать. Это слово, должно было быть счастьем, а стало приговором. Для неё и для него.

Боль сжала горло тугой петлей. Всего полгода назад мы смеялись, сидя за столом на их большой и современной кухне. Света тогда уже была на сносях, держалась за поясницу и шутила, что наш прадед-генерал наверняка бы одобрил таких наследников.

Мы почти сразу узнали, что после ЭКО прижились два

эмбриона и она очень ждала мальчиков. Сестра с мужем шутя подбирали детям имена начиная от старославянских, заканчивая вообще не пойми чем. Я смотрела на них, на их переплетённые пальцы, и думала: вот она, настоящая любовь. Вот бы и мне когда-то найти человека, который будет смотреть на меня, как Мирон на Свету.

Такого взаимопонимания и доверия, как у них, я не видела никогда. Счастье сияло в глазах, согревало всех вокруг и меня в том числе. Я была искренне за них рада и надеялась, что и мне когда-то повезёт так же. Сейчас же свет их любви погас. Навсегда.

- Дети, - снова попыталась я вырвать его из мрака воспоминаний и горя, дотронулась до его ледяной руки. - Ты нужен им.

Прикосновение заставило его вздрогнуть, но не обернуться. Медленно забрал свою кисть и отодвинулся. Без раздражения, без злости. Словно железный дровосек, которого давно не смазывали. Его пальцы снова схватились за воротник пальто, слегка приподнимая его.

- Мирон, пожалуйста, - настаивала я, чувствуя, как сама превращаюсь в ледышку. Так и заболеть недолго.

Ничего. Стоит словно каменный. Молчит, не двигается. Вокруг тишина, которая громче любого плача. Я понимала, что сейчас бесполезно пробовать до него достучаться. Его боль возвела крепость, и все мои слова разбивались о её стены, не долетая до сознания.

Мы так и стояли, пока не ушли последние люди, бросив на нас прощальный и сочувствующий взгляд. Только когда начал накрапывать противный, мелкий дождь, Мирон вдруг пошевелился. Не говоря ни слова, он развернулся и пошёл к машине, которая ждала нас у ворот. Его походка была механической, шаг в шаг, будто кто-то завёл ключ у него на спине, и он выполнял заложенную программу.

Дорога до кафе, где будет проходить поминальный обед, была самым долгим путешествием в моей жизни. Мирон сидел, уставившись в одну точку. Я прикрыла глаза в надежде хоть на минуту отрешиться от происходящего, но перед внутренним взором вновь встала другая картинка. Горестная, скребущая душу и я распахнула веки, уставилась в пропалывающий мимо пейзаж, как в спасительный.

Обед прошёл как в тумане. Много слов, слёз и бесконечное желание поскорее закончить со всем этим. Выдохнула, лишь когда машина привезла нас к дому. Двухэтажный коттедж, который Света так любила и обустроивала, казался в данный момент пустой оболочкой. В ней, как и в Мироне когда-то теплилась жизнь, а сейчас поселилось горе.

Молча переступила порог вслед за ним, и тишину разрезал детский плач. Сначала один, тонкий, жалобный, потом к нему присоединился второй, более требовательный.

Мирон замер на секунду, его спина напряглась, будто он получил удар под дых. Сжал кулаки, а затем, не оборачиваясь, свернул в коридор и скрылся за дверью своего кабинета.

Раздался щелчок замка. Он закрылся. От детей, от мира и всего, что его окружает.

Глава 2

Алина

Я осталась одна в центре огромной прихожей, слушая, как нарастает дуэт детских голосов. Слезы в очередной раз хлынули из глаз, беззвучные, горькие. Дала себе минуту на то, чтобы выплакать их, села на диван, уткнулась лицом в ладони и выпустила боль наружу.

Плач не стихал. Слышала, что нанятая ещё сестрой няня безуспешно пыталась успокоить малышей, но, видимо, одна не справлялась. Я поднялась с места и пошла на звук. Забрела в детскую, вытирая щёки, и глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться.

- Животики? - хриплым и слегка гнусавым голосом спросила я Ирину.

- Да, похоже на то. Вот только у меня на обеих рук не хватает.

- Я помогу.

Няня, бледная и растерянная, пыталась укачать Лёшу, в то время как Серёжа, находился в кроватке и истошно плакал. В глазах Ирины читалась огромная усталость и сострадание.

- Дайте мне, - тихо сказала я, подходя и забирая у неё орущего Лёшу. Он был маленький, горячий, весь напряжённый от плача. Я прижала его к себе, начала легонько покачивать.

- А вы возьмите Серёжу.

Няня, с облегчением кивнув, поспешила к нему. Я ходила по комнате, бормоча малышу, что-то бессвязное, убаюкивающее. Кружила рукой по тугому животику, стараясь хоть немного облегчить его состояние.

- Лекарство давали? - шёпотом спросила я Ирину.

- Конечно. Всё как в рецепте, по рекомендации врача.

Кивнула, вспоминая о том, что сестрёнка вызывала недавно педиатра для малышей. Тогда она ещё была с нами. Моргнула, прогоняя вновь набежавшие слёзы, и взглянула на Лёшу. У него её лоб и нос, со слегка приподнятым вверх кончиком, и это внезапное открытие пронзило болью.

«Я не имею права их бросить. Обязана быть рядом! Не считая Мирона, я единственный близкий им человек».

Детский плач постепенно стих, перейдя в тихое всхлипывание. Я смотрела на двух младенцев, оставшихся без матери, и понимала, что теперь изменилась не только их жизнь, но и моя.

Мирон замуровал себя в собственном горе и не спешит на помощь к практически не справляющейся няне. И я вдруг, как тогда в палате интенсивной терапии, вновь слышала голос сестры. Нежный, но настойчивый.

- Алинка, не оставляй их. Не дай ему всё испортить. Малыши ведь ни в чём не виноваты. Будь рядом.

Я прижала Лёшу крепче. Взглянула на притихшего Сержу и глубокий, решительный вдох наполнил лёгкие.

«Хорошо, сестрёнка, - мысленно ответила ей. - Я буду ря-

дом. Не уйду, пока не пойму, что больше не нужна».

Решение созрело мгновенно, словно феникс, переродилось из боли и отчаяния в безграничную любовь к этим двум крошечным существам, оставшимся после неё. Я не позволю детям вырасти, не зная материнской любви. И пусть я не Света, но буду рядом по крайней мере, пока в этом есть необходимость.

Добыюсь того, чтобы Мирон в равной степени выдал мальчикам отцовской ласки. И уж точно не доверю их судьбу нянькам, какими бы хорошими они ни были. Я буду помогать, пока отец малышей не очнётся. Останусь рядом ради неё.

Ирина, укачав наконец Серёжу, тихонько уложила его в кроватку. Я всё ещё сидела в кресле с Лёшей на руках.

- Идите, отдыхайте, - спокойно, но твёрдо сказала я. - Я с ними посижу.

- Спасибо, - выдохнула няня и, видимо, хотела, как и все остальные выразить соболезнования, но я не дала ей этого сделать, встав с места. - Поужинаю и вернусь, - догнала меня её фраза уже в спину. Я кивнула и уложила малыша в его постель.

Няня ушла, оставив меня одну с двумя младенцами, которые совсем недавно потеряли мать и неизвестно, когда увидят собственного отца. Света предупреждала. Говорила, что такое поведение у её мужа вполне вероятно.

«Каждый проживает боль по-своему. Мирон замыкается

в себе и ненавидит не только весь мир, но и то, что он не смог никак повлиять на произошедшее, - её слова тут же всплывают в голове. - Ты главное будь рядом. Не бросай их, пожалуйста. Они без тебя точно не справятся».

Тишина в детской была уютной. Малыши тихонько посапывали во сне. Постояла рядом с ними, улыбнулась в ответ на озарившееся личико Серёжи и устало опустилась в кресло между кроватками. Подтянула под себя колени, откинула голову на спинку и обхватила за плечи руками.

Чёрная водолазка, такие же брюки и невыносимый мрак на душе. Мне стало чуточку страшно. Я ведь человек и имею право на минутную слабость. С завтрашнего дня мне предстоит одной справляться с навалившимися проблемами. Помимо заботы о детях, нужно умудриться не остаться без работы и каким-то образом наладить контакт Мирона с малышами.

Я повернулась к комоду, на котором стояли фотографии. На одной из них Света. Этот снимок сделала я. Сестра сидела в том же самом кресле, после покупки кроваток для детей и положив руки на огромный живот, была невероятно счастлива. Она знала свой диагноз, но молчала о нём, а мы были поставлены перед фактом уже после родов.

«Я сделаю всё, что в моих силах, - пообещала я ей шёпотом, глядя в застывшее изображение».

Из коридора вдруг донеслись шаги. Тяжёлые, неровные и я замерла прислушиваясь. Это явно не Ирина. Она двигает-

ся практически бесшумно. Шаги приблизились к двери детской, и на миг наступила тишина.

«Может быть, отец всё-таки пришёл к детям?»

Но не успела я обрадоваться своим мыслям, как шаги стали стихать. Кажется, он ушёл на кухню, судя по загремевшей от падения посуды и приглушённому ругательству. Я закрыла глаза, снова ощущая в груди смесь отчаяния и обиды.

Света решила всё за нас. В какой-то степени действительно совершила эгоистичный поступок. Не рассказала о своей болезни, не подготовила мужа к предстоящему уходу, а оставила меня со всем этим разбираться в одиночку. И я вспомнила наш разговор с сестрой, когда она мне всё рассказала:

- Кто кроме тебя будет любить моих детей так же, как я?

- Света, я не могу, - рыдая, мотая отрицательно головой, когда она попросила меня поговорить с ней наедине.

- Алин, он поймёт. Позже. Когда боль пройдёт.

- Мирон не оставит детей, - я знала это и говорила уверенно.

- Да. У них будет всё, кроме родительского внимания и любви.

- Они ведь частичка тебя.

- Он будет смотреть на них и видеть совершенно другое, но время лечит. Возможно, чуть позже Мирон встретит и полюбит кого-то ещё, но чужой женщине будет плевать на моих крошек. Я прошу тебя, останься рядом с ними! Я отдала ради мальчиков всё.

Воспоминание обожгло сердце и несколько слезинок
вновь скатилось по щекам.

Глава 3

Мирон

Дверь захлопнулась за мной с тихим щелчком. Горло сжалось судорогой, но слёз не было. Они остались там, на кладбище, на клочке сырой земли. Вместе с ней. В груди поселилась пустота вместо сердца.

Закрыв глаза и перед внутренним взором встал не памятник, не свежая могила, а облик жены. Той, что я увидел впервые в аэропорту. Мой рейс задерживали уже несколько часов, и я, пытаясь успокоиться, блуждал глазами по залу ожидания.

Увидел её лучисто улыбающуюся и держащую в руках книгу, и не смог сдержать ответно приподнятых губ. Девушка сидела в двух рядах от меня и слишком выбивалась из общей людской массы.

Словно передо мной инопланетянка или попаданка из прошлого, ведь все залипают в телефоны, смотрят видео с участием глупых блогеров и прочую ерунду, не обогащающую мозг знаниями, а тут обычная, бумажная книга!

Сам не понял, как и почему оказался рядом. Девушка никак не отреагировала на мою близость. Она настолько была погружена в текст, что мне пришлось сначала покашлять, и даже легонько толкнуть локтем, чтобы обратить её внимание на себя.

- О чём книга? - спросил я у незнакомки. Света сначала нахмурилась, ведь я не извинился, а услышав заветные слова, посмотрела на меня своими огромными, светящимися глазами и начала с воодушевлением пересказывать сюжет.

Обычный женский роман, выходящий из её уст, заинтересовал даже меня. Или просто она была таким рассказчиком, которого хотелось слушать, не знаю. Мы так просидели долго, разговаривая, как давние приятели, и едва не пропустили свои рейсы. Переписываться начали, как только сошли с трапа, а первое свидание провели виртуально.

Предложение сделал спустя два месяца после знакомства. Свадьба. Ничего грандиозного, лишь несколько самых близких и желанная женщина в простом белом платье, сжимающая букет ромашек. Символ любви и верности.

Даже после свадьбы я не находил себе места без неё. Вместе мы подняли мой бизнес на новый уровень, построили дом, мечтали о детях. Обязательно мальчик и девочка. Безуспешные попытки, обследования, скрываемое отчаяние, что затаилось на дне её глаз, и гормональная терапия, приведшая к перепадам настроения. Мы справились со всем.

Первое ЭКО и бесконечное счастье от новости, что всё получилось. Света сияла во время УЗИ, а узнав, что будет двойня, начала штудировать сайты и заранее искать няню себе в помощь. Наша радость была такой бесконечной, что даже я боялся всё сглазить.

«Если бы не ЭКО, - мысль пронзила мозг как пуля. Резко,

болезненно, не оставляя шансов на выживание».

Беременность оказалась непосильной нагрузкой на её организм. Спящая гадость, что таилась в клетках, проснулась именно из-за неё. Беспощадный рак проявил себя уже на большом сроке, и её невозможно было оперировать или подвергать химиотерапии. Эта зараза съела жену за несколько месяцев. Выжала досуха прямо на моих глазах.

Наше счастье и мечта вдруг стали для неё смертным приговором. Я просил остаться. Отказаться от детей в пользу её здоровья, но она не позволила. Обиделась на моё предложение и несколько дней не разговаривала со мной, но мы не смогли долго молчать.

Казалось, я успел смириться с тем, что она больна, что нужно найти лучшего доктора, увезти за границу и может, там ей помогут, но не успел. К её скорому уходу я оказался совершенно не готов.

Тряхнул головой, сбрасывая воспоминания, что жгли внутренности словно кислота. Мне нужно выпить. Коньяк, водку, да что угодно, чтобы залить эту пустоту. Под руку попалось виски. Плеснул немного в бокал и залпом осушил его. Жидкость обожгла горло, но внутри ничего не изменилось. Было всё так же холодно.

Снаружи, словно из другой жизни, донёсся приглушённый детский плач. Снова. Как сказала Ирина, нанятая ещё Светой няня, у детей колики. У меня два сына, но я настолько погряз в горе, что даже не различаю их, а ведь они всего

лишь двойняшки, а не близнецы.

- Они отняли у меня всё, - с болью в голосе прошептал я вслух, и я сжал бокал так, что он чуть не треснул.

«Не смей так думать! - будто закричал во мне голос жены, но было поздно».

Мысль, как яд, уже текла по венам. Они причина. Видимое, осязаемое доказательство моей потери. Каждый их крик как напоминание: «Мы здесь, а её нет. И никогда не будет».

Ещё эта Алина. Младшая сестра моей Светы. Она всегда была в жизни супруги. Они противоположности, хоть и родные. Жена яркая, дерзкая, улыбающаяся, а Алина вечно застенчивая и тихая, но есть в них схожие черты, что берегут рану и тревожат душу. Тот же разрез и цвет глаз, пухлые губы, вздёрнутый нос и любовь заправлять волосы за уши.

Не услышал, как она вошла, погруженный в свои мысли. Очнулся, когда девушка оказалась в кабинете и что-то сказала, нарушив тишину. Поднял на неё затуманенный алкоголем взгляд и встретился с её глазами, полными жалости и непонятно откуда взявшейся решимости.

- Я остаюсь с вами. То есть с детьми. Буду помогать Ирине, - молчу. Мне не хочется всё это обсуждать прямо сейчас. Даже больше, я готов выгнать её отсюда, чтобы вновь наступила тишина. - Надеюсь, что когда твоё горе немного притупится, ты вспомнишь о мальчиках. Отец должен быть с ними.

- Уходи, - сказал, словно ударил сестру жены.

- Мирон, ты не один, - она сделала шаг в мою сторону, но, видя колющий взгляд, остановилась. - Алкоголь ничего не изменит.

- Пошла вон! - злобный крик прогремел на весь дом и её наконец-то вынесло из «берлоги», в которую я забрался, прячась от всех.

Я остался один в кабинете, в этом огромном доме и потерявшем свою привлекательность мире. У меня есть бизнес и деньги, на которые я не смог купить или хотя бы продлить жизнь любимой женщине. Какой тогда в них смысл? Есть двое детей, на которых я не могу смотреть без того, чтобы сердце не разрывалось на части.

Снова налил виски и откинулся на спинку кресла. Закрыв глаза, пытаюсь воспроизвести образ Светы, её запах и улыбку, но вместо этого мозг подкинул больничную палату. Капельницы и глаза, которыми она смотрела на меня, пряча на их дне испытываемые муки.

- Почему ты бросила меня? - прошептал я в тишину. - Оставила одного? Как эгоистка решила всё за нас двоих? - слова показались такими правильными, что чёртовы кошки стали скрести на душе ещё активнее. - Ты хотела подарить мне счастье, а оставила после себя мрак и пепел.

Внезапно где-то в глубине сознания, под слоями горя и злости, шевельнулось трезвое, но очень слабое понимание того, что я не прав. Бокалом в руке я разрушаю себя.

Мыслями о несправедливости её поступка предаю память

о ней. Но оно было подавлено громким, оглушающим рёвом одного-единственного вопроса, на который у вселенной не было ответа:

- Как мне жить без неё?

Глава 4

Алина

Каждый новый день стал начинаться не с кофе. Теперь я просыпалась под детские гули или требовательный крик малышей. Я потеряла счёт дням, и они превратились в полностью выверенный режим, вместо того творческого хаоса, что раньше составлял мой рабочий график.

Мир дедлайнов и совещаний медленно, но верно растворялся в бытовых нуждах и потребностях малышей. Мой ноутбук с чертежами последнего проекта теперь стоял на том же столе, где лежали пачки подгузников, пелёнки, присыпки и ещё много чего нужного в уходе за детьми.

Я разрывалась между работой и присмотром за племянниками. Днём я была тётей, которая стерилизовала бутылочки, часами укачивала на руках капризничающих младенцев и бормотала им сказки. А ночами, когда сорванцы, наконец, засыпали, я старалась вновь стать ведущим архитектором, который, несмотря на недосып и красные глаза, всё же пытается вникнуть в сложные расчёты и ответить на рабочие письма.

Я дорожу своей должностью и не готова потерять единственное, что осталось от прежней жизни. В конце концов, мальчики вырастут, Мирон, возможно, встретит кого-то ещё, и мне придётся уйти, поэтому остаться потом у разби-

того корыта как-то совершенно не входит в мои планы.

В этом доме я осталась в роли домоправительницы, няни и призрака. Потому что владелец жилища, кажется, не желал моего присутствия и перешёл из-за этого в режим нон-стоп. Работа на пару с алкоголем поглотили его настолько, что мы совершенно не видим, во сколько он ушёл и когда вернулся.

Мирон стал редким гостем в своём же доме. Пару раз я всё же слышала его шаги, находясь уже грани сна и реальности. Время от времени до меня доносился запах его дорогого парфюма, смешанный с терпким душком алкоголя, но на этом всё наше общение или встречи заканчивались.

Он не заходил в детскую, не связывался со мной каким-то образом и совершенно не спрашивал о детях. Переступив порог своего дома, он тут же растворялся за дверью кабинета, а наутро там обнаруживался полупустой стакан с остатками виски. Словно это единственно возможное доказательство того, что он всё ещё жил здесь.

Дети росли, меняясь на глазах. Серёжа, более спокойный, начал пытаться переворачиваться, сосредоточенно хмуря при этом лобик, точь-в-точь как Мирон, когда был погружен в работу. Лёша, наоборот, стал больше улыбаться, и в его сияющей, беззубой улыбке я каждый раз с болезненной нежностью узнавала Свету.

Я поймала себя на том, что фотографирую какие-то моменты из жизни малышей на телефон, а потом в вечерней тишине листаю галерею вместо того, чтобы работать. Они ста-

ли центром моей вселенной, и это давало силы, поддерживало и не позволяло опускать руки, как бы не было тяжело.

Однажды ночью случилось неизбежное. Я сидела на кухне с ноутбуком, пытаюсь заставить глаза, фокусироваться на цифрах. В доме стояла тишина, нарушаемая лишь негромким тиканьем часов, которую внезапно заполнили явно мужские шаги.

Замерла как кролик перед удавом, ведь он не должен был меня видеть. Наши пути уже так давно не пересекались, что я забыла о данном себе негласном правиле: избегать Мирона как можно дольше и дальше. Я придерживалась его для спокойного сосуществования с ним в рамках общей жилплощади.

- Может попробовать сбежать? - посетила трусливая мысль, но я отмахнулась от неё. - Поздно.

Хозяин дома вошёл на кухню и застыл на пороге, увидев меня. Выглядел он, честно говоря, не очень. Дорогой костюм помят, небритый, а взгляд мутный и не совсем трезвый. Мы смотрели друг на друга в тишине, и никто не двигался с места. Он, кажется, был так же шокирован этой встречей, как и я.

- Что ты здесь делаешь? - его голос прозвучал хрипло.

В нём не было злобы, лишь усталое недоумение, будто он обнаружил у порога выброшенного на улицу котёнка. Которого в один миг и пожалеть хочется, и прогнать, ведь у него может оказаться заболевания, которые нужно лечить, если

решил взять его себе.

- Работаю, - тихо ответила я. А он медленно кивнул.

Взгляд Мирона скользнул по моему лицу, по растрёпан-ным волосам, спустился к просторной пижаме изумрудного цвета, в которой я ходила последние недели, а после вернул-ся к глазам.

- Они, - запнулся, словно забыл, что хотел спросить, но всё же продолжил, - спят?

Неожиданно заданный вопрос повис в воздухе. Это был первый раз, когда он сам спросил о детях. Не с вызовом, не с болью в голосе, а просто по-отечески.

- Да, - выдохнула, не в силах сдержать волнение. - Серёжа сегодня немного капризничал, а Лёша впервые громко рас-смеялся, когда я строила ему рожицы.

Я произнесла это без всякой надежды на его эмоциональ-ный отклик, просто поделилась новостями, но лицо Мирона исказилось. С облегчением поняла, что не от злости, а от че-го-то другого. От боли? Которая, казалось, на секунду про-рвала его вновь «подвыпившее» состояние.

- Хорошо, - он резко отвёл взгляд в сторону, а потом и вовсе ушёл, оставив меня одну в свете экрана ноутбука.

Его шаги затихли в коридоре, и вскоре донёсся щелчок двери кабинета. Этот звук я уже могу определить из тысячи. Посидела ещё минут десять, пытаюсь сосредоточиться на ра-боте, но никак не получалось сконцентрироваться.

Не в силах вернуть прежний настрой и подавить зевоту,

просто закрыла ноутбук и на цыпочках прокралась в детскую. Два ровных дыхания, два тёплых комочка под пледами. Мальчики спали, абсолютно беззащитные и не подозревающие о той буре эмоций, что бушевала за стенами их комнаты в душе родного отца.

Я поправила плед Серёже, потом коснулась макушки Лёши. Мои пальцы сами собой потянулись к его щеке, и малыш во сне чмокнул губками.

«Он спросил о вас, - мысленно сказала я мальчишкам. - Всего один раз, но я уверена, что это только начало. Совсем скоро вы будете бегать по лужайке вместе с ним и гонять футбольный мяч».

Глава 5

Алина

После озвученного им вопроса я задалась целью: пробить ледяную стену, которую Мирон возвёл вокруг себя. Его практически полное отсутствие в собственном доме пугало с каждым днём всё больше, поэтому нужно срочно восстановить его связь с малышами.

Моя тактика была простой и тихой, как партизанская война. Я стала оставлять следы присутствия детей в поле его зрения. Сначала это была фотография, которую я «забыла» на журнальном столике в гостиной, куда он изредка заходил.

Не та, с яхты, что стояла у него в кабинете, а другая. Света на последних сроках беременности, сияющая, с руками, сложенными на огромном животе, а рядом Мирон, прижимающий к нему ухо со счастливой улыбкой.

На следующий день фотография исчезла. Я не знала, выбросил ли он её в порыве гнева или забрал к себе, но это был знак. Мирон заметил.

Потом пришло время первых детских рисунков. Заказала безопасные краски и, обмакнув в них ладошки мальчиков, оставила отпечатки на белых листах. Один такой шедевр, подписанный мной «Первая картина Лёши», я «нечаянно» оставила на кухонном столе, рядом с кофемашиной. К которой утром, как паломник к иконе, приходил Мирон.

Вечером я пошла на кухню затем, чтобы развести порцию смеси, как услышала громкий стук. Выглянула из-за угла и обнаружила Марона с разбитым кулаком. Кажется, он с силой ударил в фасад одного из подвесных шкафов.

Пару секунд решала уйти или остаться, в итоге поняла, что я должна как минимум перевязать ему разбитые костяшки, как максимум детям нужна будет еда. Вошла, стараясь немного пошуметь и обнаружить своё присутствие заранее. Мирон даже не обернулся.

Взгляд невольно искал рисунок, который я так «случайно» оставила на столе, но он смял лист и швырнул в мусорное ведро. В горле встал ком от обиды за наши не оценённые старания, но сдаваться пока рано.

- Давай перебинтуем? - моё предложение, сказанное вроде спокойным и тихим голосом, заставило его вздрогнуть.

Мирон тут же обернулся, посмотрел в мои глаза и тут же ушёл прочь.

«Да уж, Алин. Наводить мосты, видимо, не твоё, - вздохнула мысленно я, доставая из мусора наше с детьми художество».

Ещё несколько дней прошли без происшествий, пока я однажды не уснула прямо в кресле между кроватками. Сама не заметила, как сон сморил меня, хорошо, что успела переложить детей на места, иначе могла бы их травмировать не удержав.

Мне снилось море и дети. Только уже подростки. Это од-

нозначно были Лёша и Серёжа. Мы бежали с ними по кромке прибоя и смеялась. Картинка была такой тёплой, что я невольно улыбнулась ей и наяву.

Проснулась резко, от тяжёлого взгляда, прожигающего во мне дыру. Тут же распахнула глаза и в полумраке комнаты, освещённой только ночником в форме звезды, я увидела Мирона. Он молча стоял в дверях и совершенно не двигался. Застыл как памятник самому себе.

Я не рискнула вскакивать и нарушать момент, а хозяин дома посмотрел сначала на одну кроватку, затем на вторую. В его взгляде уже не было привычной мне боли или ненависти. Там поселилось что-то другое. То, от чего у меня внутри всё перевернулось, и сердце в груди совершило кульбит, но я рано обрадовалась.

Мирон тряхнул головой, словно скидывая наваждение, а после так же, не говоря ни слова, ушёл. Вот только этого хватило для того, чтобы я поверила в то, что ещё не всё потеряно. Робкая надежда расправила крылья в моей душе.

Эта надежда жила во мне несколько дней, заставляя улыбаться детям чаще и легче переносить усталость. Я была почти уверена, что лёд тронулся и именно это привело меня к его кабинету в тот вечер. Полоска жёлтого света падала из приоткрытой створки в тёмный коридор, словно приглашение.

Я подошла бесшумно и заглянула внутрь. Он стоял спиной ко мне, глядя в окно. На столе, рядом с почти пустой

бутылкой виски, лежала фотография с их первого отдыха. Света на ней смеялась, и её счастье было таким живым, что у меня сжалось сердце. Сама не знаю, зачем шагнула внутрь, нарушив его уединение.

- Зачем ты здесь? - голос Мирона вырвал меня из воспоминаний, возвращая в действительность. - Чтобы в очередной раз напомнить, чего я лишился?

- Нет. Увидела открытую дверь и хотела узнать, как ты? Мы уже привыкли к тому, что она всегда заперта. Дети, - начала я, но он перебил меня.

- Хватит о них! Хватит приходить сюда со своей пародией на заботу! Ты думаешь, что, притворяясь ею, что-то изменишь?

От его слов у меня перехватило дыхание. Это было больнее, чем если бы он ударил меня. Смотрела на мужчину и понимала, что в нём просто говорит горе. Мирон никогда не был таким.

- Я не притворяюсь, - проглотила горький ком разочарования и уже чувствуя, как слёзы подступают к глазам. - Я всего лишь пытаюсь помочь.

- Помочь? - Мирон иронично ухмыльнулся в ответ на мои слова. - Ты не она! Запомни! И никогда её не заменишь!

Мне стало так горько оттого, что он пытался уличить меня в чём-то, чего я не совершала. Пощёчину не дала только потому, что нас разделял стол.

- Я и не пыталась! Просто хотела поддержать, помочь тебе

осознать, насколько ты нужен детям и как вам всем необходимо быть вместе.

Стояла на месте, сжимая кулаки, готовая к новой порции гадостей, но его лицо вдруг выдало совершенно нетипичную эмоцию. Взгляд похолодел, я бы сказала, превратился в наглый. Мирон медленно прошёлся глазами по мне, и на его губах появилась кривая усмешка.

- Другом? - он произнёс это слово с таким ядом, что мне стало не по себе. - Если ты так отчаянно хочешь быть нужной, оказаться на её месте, давай начнём с самого простого?

Он сделал несколько стремительных шагов ко мне и замер на расстоянии в пару ладоней. От него несло алкоголем, глаза выглядели стеклянными, и я инстинктивно отступила, когда он приблизился.

- Мирон, - прошептала я, и в моём голосе зазвучал страх. Но он уже наклонился ко мне, и его дыхание обожгло щеку.

- Скажи мне, - мужской шёпот был похож на шипение змеи, - какая часть её жизни тебе нужна? Дети? Кажется, их ты уже прибрала к рукам. Дом? Я сбился со счёта от того, как долго ты здесь находишься, - у меня по коже прошёл табун мурашек. - Или муж?

Он выдержал небольшую паузу, наслаждаясь моим замешательством и лёгким страхом.

- Хотя нет, о чём это я. Всем давно понятно, что ты хочешь всё и сразу!

Глава 6

Алина

Я выбежала из его кабинета без оглядки. Так быстро, как только могла. Глаза жгло от непролитых слёз, а в голове звучали противные слова Мирона. Стучали, словно молот по наковальне, разрушая моё к нему доверие и сострадание.

«Никто не вправе обижать человека за желание помочь! Я никоим образом не давала ему повод подумать обо мне такое! Не строила глазки, не ходила голышом по дому, соблазняя его, и совершенно не рассматривала его как объект влечения! Но именно в этом меня сейчас пытались обвинить! В том, чего я точно не совершала».

В комнату малышей влетела так, что перепугала задремавшую в кресле Ирину. Она уставилась на меня полусонными глазами в недоумении, а я выдавила из себя:

- Вы побудете с мальчиками? - получив утвердительный кивок, сообщила, что пойду в свою комнату и убралась подале, пока истерика не захлестнула с головой.

Рванула из детской и едва оказалась в пустой и полутёмной гостевой, закрыла за собой дверь. Больше не в силах сдержать эмоции, сползла по створке вниз. Хотелось свернуться калачиком, но я всего лишь уткнулась лицом в колени. Дала волю слезам, но так тихо, чтобы не разбудить мальчиков в соседней комнате.

Мне тоже было сложно и больно. Я, как и Мирон, потеряла близкого человека, и эта утрата заставляла сглатывать постоянно образующийся ком в горле.

Всё в этом доме напоминало о сестре. Каждая мелочь, даже диванная подушка, картина или настенные часы. Постельное бельё, полотенца, принадлежали ей, а я лишь гость в их с Мироном доме.

Но несмотря на все трудности, мне пришлось взять себя в руки и спрятать горе глубоко в сердце ради маленьких мальчиков, которые остались без матери. Я нужна им. Они росли, с каждой минутой все больше менялись, и я обещала, что буду рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.